

— Очень больно? — Голос Цзюнь Чжэна стал еще тише и мягче. Попросив остальных двоих не говорить, он обнял Юань Синняня.

Юань Синнянь чувствовал утешение со стороны Цзюнь Чжэна, но это лишь усиливало его внутреннее смятение. Ему хотелось быть еще ближе к нему, но между ними оказался холодный клинок. Гун Аньчоу, с холодным выражением на красивом лице, слегка повернул запястье, словно в следующую секунду меч Цингуан коснется нежной шеи Юань Синняня.

— Мой удар не мог нанести тебе серьезного вреда. Сколько ты еще будешь притворяться? — Гун Аньчоу поднял густые брови, холодно бросив эти слова.

Юань Синнянь, чьи мысли и без того были в хаосе, почувствовал, как в его сердце вспыхнул гнев. Он устремил на Гун Аньчоу взгляд, полный вызова.

— Гун Аньчоу, ты слишком перегибаешь палку! — внезапно его голос стал жалобным и печальным.

Прежде чем Гун Аньчоу успел что-то сказать, Цзюнь Чжэн, который и так переживал за Юань Синняня, вмешался:

— Ладно, брат Гун, сначала выйди. Пусть наш друг спокойно отдохнет.

Хуа Лянь, слегка прищуривав свои миндалевидные глаза, прикрыл улыбку веером и мягко поддержал:

— Цзюнь Чжэн прав. Брат Гун, пока ты здесь, наш друг не сможет успокоиться.

Гун Аньчоу убрал меч Цингуан, бросил Хуа Ляню сердитый взгляд и с достоинством покинул комнату.

Хуа Лянь, улыбаясь, был в прекрасном настроении и уже собирался что-то сказать, но Цзюнь Чжэн посмотрел на него:

— Брат Хуа, ты тоже выйди.

Юань Синнянь заметил, как на миг застыло изысканное лицо Хуа Ляня, прежде чем оно вновь стало спокойным. Тот тихо произнес:

— Тогда я не буду мешать.

И ушел. Юань Синнянь невольно скривился, не испытывая симпатии к этому внешне учтивому, но внутренне коварному Хуа Ляню. Хотя он и не помнил, зачем пришел за мечом Цингуан, он точно знал, что именно Хуа Лянь косвенно спровоцировал их с Гун Аньчоу на поединок.

— Друг, я рад, что с тобой все в порядке, — сказал Цзюнь Чжэн, оставшись наедине с Юань Синнянем.

Этот слишком чистый и добрый образ Цзюнь Чжэна был непривычен для Юань Синняня. Он чуть было не назвал его старшим братом, но вспомнил, что это его прошлая жизнь, и промолчал. Они находились так близко, что их дыхание смешивалось. Один из них был погружен в размышления о том, почему он вернулся в прошлое, а другой оставался чистым и невинным, ничего не зная. Цзюнь Чжэн почувствовал, что от этого друга исходит приятный, легкий и мягкий аромат, который притягивал его.

— Друг, у тебя от природы такой необычный аромат? — невольно спросил он.

Юань Синнянь тупо пробормотал:

— А?

И наконец осознал, насколько они близки. Его тонкое лицо мгновенно покраснело, что выглядело очень мило.

— Я... нет. Я не чувствую, — он поспешно отвел взгляд и неловко отодвинулся, но, находясь в объятиях Цзюнь Чжэна, потянул его за собой.

Цзюнь Чжэн, не ожидая этого, оказался прижат к Юань Синняню. Их глаза встретились, и обоим стало неловко. Когда атмосфера становилась все более натянутой, Гун Аньчоу, все больше раздражаясь, резко открыл дверь и был шокирован увиденным. Меч Цингуан в его руках начал сильно вибрировать. Юань Синнянь, увидев, как меч летит в его сторону, инстинктивно хотел использовать Белый зонт, но, не найдя его в руках, понял, что это не его следующая жизнь после перерождения.

— Брат Гун! — Цзюнь Чжэн взмахнул рукой, и между ними появилась огромная Дождевая завеса, остановившая меч Цингуан.

Звук столкновения меча с завесой был резким и неприятным, но это не уменьшило шока Юань Синняня. Цзюнь Чжэн использовал Дождевую завесу?! Разве это не техника, доступная только тем, кто обладает водным духовным корнем? Неужели в прошлой жизни Цзюнь Чжэн не выбрал духовный корень молнии?

Гун Аньчоу, не ожидавший, что Цзюнь Чжэн выступит против него, отступил на несколько шагов, его лицо выражало боль и обиду.

— Цзюнь... Почему ты ради постороннего ранишь меня?

Юань Синнянь невольно скривился, а когда Гун Аньчоу посмотрел на него с ненавистью и ревностью, он едва сдержался, чтобы не закатить глаза. Он бы предпочел иметь дело с тем Гун Аньчоу, который был покладистым с Хуа Лянем, а не с этим деспотичным и странным человеком. Посторонний? Они с Цзюнь Чжэном провели вместе всего на сорок-пятьдесят дней больше, неужели это уже делает его своим? Юань Синнянь не мог сдерживать внутреннего сарказма, но внешне оставался послушным, прячась за спиной Цзюнь Чжэна, ведь он не мог противостоять Гун Аньчоу.

Цзюнь Чжэн смотрел на них с сожалением, но после паузы вздохнул и мягко сказал:

— Брат Гун, ты ведь ранил нашего друга. Пожалуйста, успокойся и не делай ничего опрометчивого.

Он не опроверг слова о постороннем. Лицо Юань Синняня застыло, и в его сердце смешались горечь и обида.

Такая разница в отношении заставила его особенно скучать по тому Цзюнь Чжэну, который был вежлив, но холоден и отстранен.

— Если вы двое хотите пообниматься, найдите для этого уединенное место, — с горькой усмешкой произнес Юань Синнянь.

Гун Аньчоу словно очнулся, вздрогнув, а затем холодно сказал:

— Прежде чем это произойдет, мы договорились, что если ты проиграешь, то расскажешь, зачем тебе этот меч.

Юань Синнянь почувствовал, что его терпение на исходе. Он потер большой лоб и решительно изобразил, что ему плохо, затем жалобно посмотрел на Цзюнь Чжэна. Цзюнь Чжэн этой жизни, как и говорилось в книгах, был слишком добрым и не хотел никому перечить, поэтому сразу же смягчился.

— Ладно, брат Гун, не мучай нашего друга, — сказал он, первым вставая, а затем обратился к Юань Синняню:

— Друг, отдохни, мы не будем тебя беспокоить.

Юань Синнянь, мастер притворства, с трудом выдавил слабую улыбку, жалобно кивнул Цзюнь Чжэну и получил сердитый взгляд от Гун Аньчоу. Юань Синнянь не испугался, а когда Цзюнь Чжэн отвернулся, он показал Гун Аньчоу вызывающую и самодовольную улыбку. Гун Аньчоу скрежетал зубами, но, с Цзюнь Чжэном рядом, ничего не мог с этим поделать, поэтому лишь с раздражением последовал за ним.

Когда в комнате остался только Юань Синнянь, он наконец вздохнул с облегчением, откинувшись на стену и устремив пустой взгляд на узоры на деревянном окне.

Если он умер не в этот момент, то когда? Почему он не помнит связь между этими событиями, помня только, как Гун Аньчоу пронзил его мечом в грудь, а в следующее мгновение оказался в том белом месте? Сколько бы он ни думал, это не давало никаких ответов, только добавляло больше вопросов. Юань Синнянь коснулся груди, убедившись, что, как и говорил Гун Аньчоу, рана была несерьезной, всего лишь легкий порез.

Юань Синнянь вышел из комнаты. В трактире было тихо, все огни погасли, и он едва мог разглядеть очертания лестницы. Не раздумывая, он ступил на первую ступеньку, и его охватило странное чувство, как в ту ночь в трактире, когда он наступил на что-то, похожее на волосы. Юань Синнянь поднес масляную лампу к лестнице, и, когда свет осветил пространство, он заметил, как что-то быстро спустилось вниз, а затем встретился взглядом с парой глаз.

Это была женщина, прятая в колодце, или, скорее, уже не совсем женщина.

Даже будучи готовым к этому, Юань Синнянь был напуган ее видом. Ее лицо было неполным, только огромные черные глаза выглядели ужасающе. У нее осталась только голова и огромное количество волос.

Волоса уже обвили ногу Юань Синняня.

Инстинктивно он плеснул маслом из лампы в лицо женщины, и она издала хриплый крик, а волосы обернулись вокруг ее лица. Вскоре она, цепляясь за волосы, забралась на деревянную балку и исчезла.

Лампа была унесена вместе с ней. Трактир снова погрузился в мертвую тишину.